

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОРНИТОМОРФНАЯ МОДЕЛЬ

М.В. Дюзенли

Исследуются особенности метафорической концептуализации денотативной сферы семейных отношений через сферу-источник «Птицы» на материале электронного подкорпуса русских литературных текстов 1990–2000 гг. Автор отбирает и анализирует метафорические контексты в соответствии с когнитивной теорией метафоры, находит основания для сближения данных сфер и выделяет схемы, по которым конкретизируются метафорические переносы. Проведенный анализ коннотаций метафорических словоупотреблений дает представление об особенностях характера, внешнего вида, поведения и речи субъектов семейных отношений, а также выявляет особую значимость семейных ценностей для русской культуры. Рассматриваются как индивидуально авторские орнитоморфные метафоры, так и традиционные образы-символы (кукушка, курица, сова, голубь, соловей), обладающие неоднозначными коннотациями. Внимание также уделяется гендерным аспектам метафоризации при помощи орнитонимов, выявляющих в семейных отношениях архетипическое противопоставление «мужчина ↔ женщина» и его релевантные характеристики.

Ключевые слова: концептуализация, денотативная сфера, семейные отношения, орнитоним, когнитивная лингвистика, метафора, когнитивная теория метафоры, метафорическая модель, электронный корпус текстов, коннотация, лексема.

Представления человека о семье являются важным фрагментом закрепленной в языке обыденной картины мира. Особенности концептуализации этого фрагмента могут быть исследованы при помощи семантического анализа метафорических выражений, используемых для обозначения слов, относящихся к денотативной сфере «Семейные отношения». При этом максимальной объективации лингвистических данных можно достичь, если обратиться к компьютеризированным корпусам текстов, крупнейшим из которых является национальный корпус русского языка [6]. Однако в силу несовершенства механизмов поиска по семантической разметке формализовать выборку материала можно лишь частично. На первом этапе в лексико-грамматическом расширенном поиске по семантическим признакам задается последовательность из двух лексем, одна из которых обязательно входит в подкатегорию «имена родства», а другая – в одну из имеющихся 19 подкатегорий, например, «животные», «растения» и т. п. В полученном таким образом пользовательском подкорпусе грамматическая омонимия снимается вручную, и метафорические значения выявляются методом сплошной выборки. На втором этапе продуктивность построенной с помощью автоматизированного поиска модели повышается вручную за счет возможной метафоризации других частей речи. При этом применяется метод сплошной подстановки в поисковое окно лексики из доминантной денотативной сферы с опорой на данные толковых словарей и словарей-тезаурусов.

Одной из наиболее продуктивных и широко представленных в корпусе моделей метафорической концептуализации семейных отношений яв-

ляется орнитоморфная модель, демонстрирующая частный случай регулярного метафорического переноса по направлению «животное → человек». В рамках этой модели источником метафорической экспансии для концептуализации сферы «Семейные отношения» является семантическая сфера «Птицы». Основанием для их сближения служит то, что у людей и птиц обнаруживаются сопоставимые признаки (строение тела, физиологические потребности, контакты с себе подобными, в том числе и с представителями противоположного пола, материнский инстинкт и т. п.). Исследователями метафоры давно замечено, что регулярные метафорические переносы из сферы «Животное» направлены только на сферу «Человек», при этом зачастую они играют роль одного из самых сильных экспрессивных средств [1; 9]. Семантически это выражается в актуализации определенных коннотативных сем. Такие метафорические наименования-характеристики направлены на «дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской» [9, с. 90]. Например, в слове *индюк* реализуется признак «глупый, заносчивый, надменный», *медведь* – «неловкий, неповоротливый, неуклюжий» и т. п. Однако применительно к сфере семейных отношений бесконечно разнообразные возможности орнитоморфных образов выстраивают ее метафорическую концептуализацию довольно интересным образом и не дают оснований говорить о подобной оценочной однозначности.

В исследуемом подкорпусе русских литературных текстов 1990–2000 гг. (насчитывающем 1107 документов общим объемом 15 303 576 слов) было найдено 184 метафорических контекста, в

которых сфера семейных отношений получает осмысление через орнитонимы. В соответствии с когнитивной теорией метафоры, в их число мы включали и сравнения с формальным показателем компаративности. Достаточно репрезентативные выборки контекстов позволяют выделить определенные схемы, по которым конкретизируются метафорические переносы.

Внешний облик птицы → внешность субъекта семейных отношений. Эта группа насчитывает 37 контекстов, что составляет примерно 20 % от общего числа метафорических словоупотреблений модели. Рассматриваемая метафорическая проекция освещает определенный признак, характеризующий внешность субъекта семейных отношений. Часто метафоры, построенные с помощью орнитонимов, несут негативную оценку и указывают на внешние изъяны членов семьи: лысина (*изрядно полысевший, словно с **цыплячьим пушком** на голове*), преждевременная седина (*Жена дяди была еще вполне молодая женщина, но седая как лунь*), постоянно открытый (плачущий) рот (*мать затыкала его **галочий зев** мерной младенческой бутылочкой*), особенности походки (*мачеха... ходила ...**утиной походкой, поклевывая головкой; катила гусиным шагом** к дочке в комнату*), неприметная внешность и низкий рост (*все смотрят на незаметную мать, **серую утицу; женат в третий раз, как-то мелькала тут его избранница — чернявая **пигалица*****) и др. Однако орнитоморфный образ, характеризующий внешность, нередко обладает и положительной окраской. Так, может подчеркиваться статность походки (*Зато супруга его ступала, словно **гоголушка, горделиво***); красота жены акцентируется через метафорическую номинацию *пава* (какую ***паву** отхватил*); цвет волос, обозначенный через орнитоморфное сравнение, содержит указание на молодую не по годам внешность (*деду тогда, после войны, перевалило за семьдесят, был он темный шатен, и седина лишь чуть пробивалась в густой шевелюре. А тетка Тамара и перед смертью, в свои девяносто, была как **вороново крыло***). Положительно окрашены и уменьшительно-ласкательные эмоциональные обращения к ребенку типа *папин **воробышек, моя птичка*** и др. на основе метафорической аналогии «размер птицы → возраст/рост человека».

Интересно, что в рассматриваемом подкорпусе неоднократно встречаются образы, введенные через разные наименования одного и того же вида, выделяемого в биологической классификации: «курица», «наседка», «клуша», «квочка», «хохлатка» (согласно словарю, можно выделить 2 синонимического ряда: (*курица – хохлатка; клуша – квочка – наседка*) [11, с. 29]). Коннотации напрямую зависят от использования конкретной лексемы и ближайшего контекста. Так, например, при характеристике внешности жены лексема «курица» в сочетании с определением «тощая» и после-

дующим контекстом порождает явно отрицательные коннотации (*испугался, что вместо своей жены обнаружит за пишущей машинкой **тощую курицу, кудахтающую, с красными глазами***). Лексема *хохлатка*, напротив, не имеет отрицательной оценочности, и поддержанные контекстом компоненты ее значения положительно окрашивают доминирующий смысл атмосферы домашнего уюта: *сестренки двумя уютными **хохлатками** устроились на диванчике*. Метафорическая номинация *клуша* во всех найденных в корпусе контекстах указывает на непривлекательную наружность субъекта семейных отношений (*женитесь на **коровообразных клушах; в компании собственной жены, толстой бесформенной клуши*** и др.).

Характер птицы → характер субъекта семейных отношений. В зооморфном коде культуры имена животных и птиц, осмысливаемые как знаки языка культуры, указывают на определенный комплекс качеств [5]. Этому способствует традиционный символизм птиц, зафиксированный, в частности, в семантике фразеологических единиц. Метафорический перенос из денотативной сферы «Птицы» в сферу семейных отношений в этой немногочисленной группе (всего 8 контекстов, т. е. приблизительно 4 %) осуществляется по признаку «черта характера». При этом для формирования метафорического значения часто задействуются гипонимы – характерный признак актуализируется через прямое указание на конкретную птицу. Так, названия птиц семейства куриных используются для указания на незначительные умственные способности субъектов семейных отношений: *...свою **курицу-племянницу, которая нашла в кого влюбиться, идиотка...**; ... матери и старших сестер, которые ... бежали по дому, размахивая руками, как **безумные куры крыльями, чтобы поскорее высох лак на ногтях***. С доминантным признаком могут актуализироваться и дополнительные. Так, интерпретация контекста *не бог весть какое счастье **муж-пингвин, но лучше уж иметь такого, чем никакого*** также не сводится только к выделению единственного признака – глупости. Прочтение этой метафоры может быть связано с аллюзией на знаковый текст А.М. Горького «Песнь о буреви́стнике» (ср. «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах»), поэтому к глупости произвольно хочется добавить приземленность и ограниченность сознания.

Ярким способом привлечь внимание к доминантной черте характера является использование производного от видовых орнитонимов прилагательного, например, ***совиная пронциательность матушки***. Этот контекст, понимаемый также с опорой на символизм птиц (сова – традиционный символ мудрости, атрибут древнегреческой богини Афины), демонстрирует случай своеобразного «семантического согласования», т. е. общность семантического компонента у определяемого и определения [12, с. 58]. Несомненно, что в данном

случае орнитоним усиливает исходное значение существительного.

Поведение птицы → поведение субъекта семейных отношений (36 контекстов, приблизительно 20 %). Метафорическое осмысление получают самые разнообразные особенности поведения птиц. Остановимся на характеристике брачного поведения и отношения к потомству. В последнем четко прослеживается оппозиция «мать-наседка» ↔ «мать-кукушка». Сближение двух сфер происходит по признаку наличия у птиц инстинкта насиживания и его отсутствия у некоторых их видов, к которым относится кукушка, подкладывающая свои яйца в чужое гнездо. Кукушкой традиционно называют мать, не заботящуюся о своих детях. Это одна из конвенциональных метафор с сильной негативной окраской, порождающая метафорические смыслы греховности, неблагодарности, сиротства детей. В подкорпусе метафора «мать-кукушка» встречается 11 раз. С одной стороны, контексты демонстрируют безусловное осуждение такого поведения матери по отношению к детям (*Этакий я птенчик из чужого яичка в гнезде: кукушка, то есть мимо летела! Кукушкин сын! Звучит почти как сукин сын!*). С другой стороны, как показывают несколько примеров, подобное поведение может быть характерно для матерей-одиночек и обусловлено объективной реальностью, необходимостью выживать, зарабатывая деньги. Получается, что мать-кукушка – не всегда однозначно отрицательная характеристика, это своеобразная форма проявления заботы о ребенке в условиях современности. Ср.: *не то что я, кукушка, бросила Наску на мамини руки, чтобы выживать без опоры на мужские плечи*. Добавочные смыслы данного орнитонима (вещунья, предвестница весны и т. п.) применительно к сфере семейных отношений в исследуемом подкорпусе не реализуются, так как не поддерживаются внешними показателями контекстов.

Что касается второго орнитоморфного образа из упомянутой выше оппозиции («мать-наседка»), в найденных контекстах он, в соответствии с традиционной символикой, подчеркивает чрезмерную заботу, всестороннюю опеку. Согласно толковому словарю, значение слова *наседка* – «курица, которая высидит или уже высидела цыплят» [7, с. 314]. Курица-наседка долго высидит яйца, заботится о своих цыплятах, согревает их и т. п. Такая же забота о потомстве свойственна некоторым матерям, которые следят за каждым шагом ребенка, берегут от всяческих опасностей (Ср.: *Про нее в шутку говорят «мать-наседка», хотя Люда — еще молодая женщина*). Отрицательная оценочность возникает лишь в случае, когда речь идет о гиперопеке уже переставшего быть ребенком члена семьи. Опека малыша рассматривается как нормальное проявление материнского инстинкта.

Привлечение орнитонима *голубь* и его производных для создания метафор семейных отноше-

ний основано на особенностях брачного поведения голубей. Последнее объясняет вовлечение данной лексемы в целый ряд номинативных образований, несущий в себе семы ласковости, любовного отношения и т. п. [2, с. 36]. Об этом свидетельствуют как контексты, описывающие мужа и жену (*когда она стала мужней женой, ... они жили вроде голубков*), так и многочисленные обращения *моя голубка* (к жене, невесте – 9 случаев), *голубица* (к жене – 4 случая), *голубок* (к мужу – 1 случай), зафиксированные в исследуемом подкорпусе. Подобные метафоры воспринимаются как традиционные, стереотипные. Здесь уместно вспомнить, что белые голуби (наряду с лебедями), которых традиционно изображают на свадебных открытках и запускают в небо на церемонии бракосочетания, издавна считаются символами супружеской верности.

Голос птицы → речь субъекта семейных отношений. Представление о голосе птицы довольно часто (18 контекстов, приблизительно 10 %) становится источником переноса в сферу человеческой речи, при котором создается образное представление об особенностях речевого поведения конкретного субъекта семейных отношений. В анализируемых примерах переносное значение большинства слов, обозначающих звуки, издаваемые птицами, развивается на основе ономапии при сохранении семантики акустического денотата. В основном такие метафоры указывают на различные речеповеденческие изъяны, свойства члена семьи. Так, осуждаются бесполокность, пустословие, быстрота речи, излишняя эмоциональность (*мать вкочтала от восторга, как наседка; старшая тут же вскочила и принялась добросовестно вкочтать, без конца повторяя...*), злыязычие (*жена ему накудахтала обо мне гадости*), многословие, способность говорить без умолку (*чрезмерное щебетание мамы* – ср. значение глагола «щебетать» в словаре Ожегова: «говорить быстро, без умолку» (обычно о детях, молодых женщинах) (разг.) [7, с. 737], речевая агрессия (*на обнаженную свою сестру они кидались с клетком, подобным орлиному*) и т. п. Поскольку человек не наделен способностью понимать язык птиц, метафоры данной группы могут использоваться для указания на сложность и непонятность речи (например, характеристика родителями речи сына, который *читал на птичьем языке лекции в дальних городах и университетах*), а также на ее неразборчивость и иностранное происхождение (*Жених ненаглядный из неведомого мира. Сказать по-нашему ничего не может ... Лепечет по-своему: загулит-загулит томно ... защелкает с хищным птичьим присвистом, а потом снова голову склонит, прислушивается и гулит*).

Мелиоративная окраска метафорических значений данной группы связана в основном со звуковыми образами голубя и соловья. Последний является традиционным образом-символом, закрепленным в русской поэзии и фольклоре. Положи-

тельные коннотации у метафорических значений этого орнитонима естественно возникают на основе переноса признака «приятное, мелодичное звучание». Ср. пример: *голос бабушки был так же естествен и красив, как щёлканье соловья в густых приозёрных кустах орешника и гибких вишнёвых деревьях*. Образ голубя также обладает положительной окраской: как уже указывалось выше, поведение голубей в брачный период закрепило за этим словом в русском языковом сознании ассоциацию с поведением влюбленных. В связи с этим, глагол «ворковать» (словарное толкование: «о голубях: издавать однообразные мягкие гортанные звуки» [7, с. 80]) в метафорическом значении употребляется для концептуализации сферы семейных отношений, чтобы подчеркнуть взаимную любовь и симпатию их субъектов, (внешне выражающуюся в нежности и мягкости голоса). Ср. характеристики отношений супругов в исследуемом подкорпусе (*воркование нежных голубков*) и жены (*ты не забудешь меня, моя голубка, и станешь ворковать со мной каждый день?*; *голос её звучал влажным голубиным клёкотом*). Отметим, что глаголы, характеризующие звуки, издаваемые голубем («ворковать» и «гулить»), также могут использоваться для характеристики детской речи на основе уже упомянутого признака неразборчивости часто с добавочным метафорическим смыслом ласковости и удовольствия (ср. примеры: *дочурка, которая ворковала в кроватке; Родственник он был идеальный ... Лежал, чмокал, кашлял, гулил*).

Анализ всего корпуса образных номинаций, имеющих «орнитопрототипы», позволяет говорить о доминировании обобщенного образа семьи как птичьего гнезда (47 контекстов, приблизительно 26 %). Подобная аналогия подкрепляется историческими (прозвище великого князя владимирского Всеволода Большое гнездо, имеющего большое потомство) и литературными (вспомним хрестоматийный образ, заданный заглавием романа И.С. Тургенева) реалиями. Лексема *гнездо* (и ее производные) может употребляться в одном из двух переносных значений: либо «семья», т.е. «группа живущих вместе родственников» (*в какой квартире с легкими занавесочками свила ты свое гнездо, так что дети окружают тебя*), либо «дом, жилище семьи» (*заниматься отделкой их семейного гнездышка*). Встречающиеся в подкорпусе разнообразные определения, уточняющие данную метафорическую номинацию (*семейное гнездышко, свеженасиженные родительские гнезда, домашнее гнездо, родовое гнездо, родные гнезда, свое теплое гнездо, уютное гнездышкой* т.п.) акцентируют метафорические смыслы тепла, спокойствия, уюта, связи с корнями. Метафора семьи-гнезда распространяется за счет образа родителей-птиц, которые защищают детей-птенцов от опасностей внешнего мира. Во всех найденных контекстах лексема *крыло* в переносном значении

используется как символ заботы, опеки, защиты, безопасности. «Крылом» обычно наделяется старший субъект семейных отношений: родители (*дети тогда только счастливы, когда сидят под крылышками родителей*), мать (*Я под матушкиным крылышком еще долго бы с удовольствием выздоравливал*) и даже бабушка и дедушка (*определен под дедушкино и бабушкино крыло*). В целом, благодаря высокой частотности и продуктивности метафор данной группы, а также их сильным положительным метафорическим смыслам семья и дом воспринимаются как всеобщие, значимые ценности.

Таким образом, в системе метафорических номинаций денотативной сферы семейных отношений через сферу источник «Птицы» находят свое языковое выражение представления об особенностях характера, внешнего вида, поведения и речи субъекта семейных отношений, а также особая значимость для русской культуры семейных ценностей. Одна из отличительных черт такой концептуализации состоит в наличии не только отрицательных, но и неоднозначно отрицательных, а также положительных оценочных смыслов. Оценочность нередко возникает за счет обращения к традиционным образам-символам (кукушка, курица, сова, голубь, соловей), а также наличия в контекстах аллюзий на прецедентные тексты русской культуры.

Другой концептуальной особенностью метафоризации является то, что образ семьи часто связан с так называемой «куриной темой», которая красной нитью проходит по всему подкорпусу (24 контекста, примерно 13 %). Метафорическое осмысление через образ курицы получает в основном женщина как субъект семейных отношений. Одним из концептуальных векторов, акцентируемых посредством «куриной темы», является пренебрежительное отношение к уму субъекта семейных отношений женского пола (ср. фразеологизм «куриные/цыплячьи мозги» и сходное по образу выражение в фольклоре «курица не птица, баба не человек»), а следовательно, к его поведению и роли в семье. Таким образом, можно говорить о наличии в метафорической концептуализации семейных отношений через сферу-источник «Птицы» оппозиции «ум ↔ глупость» и связанного с ней архетипического противопоставления «мужчина ↔ женщина». Семантическое богатство коннотаций лексемы *курица* позволяет видеть в ней «недорациональность женственности», птицу, «лишенную голоса и полета» [8]. Однако образ наседки актуализирует сферу нерационального (материнский инстинкт, опеку), активность которой свойственна в семье именно женщинам.

В целом, орнитонимы наделены значительным потенциалом в образовании метафор сферы семейных отношений. Интересно, что зафиксированные в корпусе орнитоморфные образы часто имеют корреляты по признаку пола (го-

лубь/голубка; петух/курица; утка/селезень; гоголь/гоголушка, павлин/пава и др.). Женских образов концептуализируется намного больше, чем мужских (79 к 22) с абсолютным доминированием образа матери (35 контекстов). Это свидетельствует об особой значимости женского начала в семейных отношениях и исторической роли матери как хранительницы очага. Кроме того, часто субъекты семейных отношений образно уподобляются именно домашним птицам (курица, петух, утка, индюк, канарейка и др.) или непосредственно связанным с жизнью человека (голубь, воробей). Такая конкретизация подтверждает тезис когнитивной лингвистики о том, что исходная понятийная область отражает наиболее знакомые, понятные и значимые для человека реалии.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н.Д. Арутюнова // *Известия АН СССР. Сер. «Лит. и яз.»* – Т. 37. – 1978. – № 4. – С. 10–24.
2. Березович, Е.Л. Ономазиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е.Л. Березович, М.Э. Рут // *Известия Уральского государственного университета. – Гуманитарные науки. – Серия «Филология».* – 2001. – № 17. – С. 33–38.
3. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕССКНИГА, 2007. – 576 с.
4. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕССКНИГА, 2005. – 864 с.
5. Гукетлова, Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира / Ф.Н. Гукетлова. – М.: Тезаурус, 2009. – 228 с.
6. Национальный корпус русского языка. – <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 05.07.2013)
7. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд. – М.: Рус. яз., 1989. – 750 с.
8. Саморукова, И. Метафизика курятника: куриная символика позднесоветского периода / И. Саморукова // *Независимый филологический журнал.* – 2011 – №107. – <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/sa17.html> (дата обращения 01.09.2013).
9. Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская – М.: Наука, 1993. – 152 с.
10. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под. общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: Проспект, 2011. – 211 с.
11. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 632 с.
12. Черемисина, М.И. К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа «петух») / М.И. Черемисина, Н.С. Соппа // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования.* – Новосибирск, 1973. – Вып. 2. – С. 55–69.

Дюзенли Мария Владимировна, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет (Екатеринбург), аспирант кафедры современного русского языка Уральского федерального университета. Научный руководитель – доктор филологических наук, проф. Мухин Михаил Юрьевич. E-mail: mashatolm@rambler.ru

Bulletin of the South Ural State University
Series "Linguistics"
2014, vol. 11, no. 1, pp. 137–142

METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION OF FAMILY RELATIONSHIP: ORNITHOMORPHIC MODEL

M.V. Duzenli, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, mashatolm@rambler.ru

The article deals with metaphorical conceptualization peculiarities of the family relationship sphere through the source-sphere «Birds» on the basis of electronic text subcorpus including Russian literary texts written during the period of 1990–2000. The author selects and analyzes metaphorical contexts within the framework of cognitive theory of metaphor, finds out a common ground for convergence of these spheres specifying metaphorical transfer schemes. The analysis of connotations of a metaphorical word usage gives an idea of character features, appearance, behavior and speech peculiar to people involved

in the family relationship revealing the particular importance of family values for the Russian culture. The article examines individual ornithomorphic metaphors created by the authors as well as traditional metaphorical symbols with ambiguous connotations (cuckoo, hen, owl, pigeon and nightingale). Much attention is paid to gender aspects of family relationship metaphorization by means of ornithonyms that identify the archetypal opposition «male ↔ female» and its relevant characteristics.

Keywords: conceptualization, denotative sphere, family relationship, ornithonym, cognitive linguistics, metaphor, cognitive theory of metaphor, metaphorical model, electronic text corpus, connotation, lexeme.

References

1. Arutyunova N.D. [Functional types of language metaphor]. *Izvestia of SA USSR. Ser. Literatura i jazyk*, v. 37, no. 4, 1978, pp. 10–24. (in Russian)
2. Berezovich E.L., Rut M.E. [Onomasiological portrait of reality as a genre of linguocultural description]. *Izvestia of Ural state university. Humanities. Series «Philology»*, 2001, no. 17, pp. 33–38.
3. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy. Anglijskie jekvivalenty. Pod red. L.G. Babenko* [The Big Explanatory Dictionary of Russian Verbs: The Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. English Equivalents. Ed. Babenko L.G.]. Moscow, AST-PRESSKINGA Publ., 2007, 576 p.
4. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushhestvitel'nyh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy. Pod red. prof. L.G. Babenko.* [The Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns: The Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. Ed. Babenko L.G.]. Moscow, AST-PRESSKINGA Publ., 2005, 864 p.
5. Guketlova F.N. *Zoomorfnyj kod kul'tury v jazykovej kartine mira* [Zoomorphic cultural code in language world picture]. M, Tezaurus Publ., 2009, 228 p.
6. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka.* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (used on: 05.07.2013)
7. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka. Pod red. N.Ju. Shvedovoj, S.I. Ozhegov* [Russian language dictionary. Ed. N.Y. Shvedova, S.I. Ozhegov] Moscow, Russkiy Yazik Publ., 1989, 750 p.
8. Samorukova I. [Hen coop metaphysics: hen symbols in the late Soviet Union period] *Independent philological journal*, 2011, no. 107. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/sa17.html> (used on: 01.09.2013) (in Russian)
9. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme jazyka* [Metaphor in language system]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 152 p.
10. *Slovar'-tezaurus russkih prilagatel'nyh, raspredelennyh po tematicheskim gruppam. Pod. obshh. red. prof. L.G. Babenko* [The Dictionary Thesaurus Russian adjectives, distributed by thematic groups. Ed. Babenko L.G.]. Moscow, Prospect Publ., 2011, 211 p.
11. *Slovar'-tezaurus sinonimov russkoj rechi. Pod obshh. red. L.G. Babenko* [The Dictionary-thesaurus of Russian speech synonyms. Ed. Babenko L.G.]. Moscow, AST-PRESSKINGA Publ., 2007, 632 p.
12. Cheremisina M.I., Soppa N.S. [To the question of animal characteristics meanings (on the basis of Russian word «cock»)]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovanija.* [Actual problems of lexicology and word-building]. Novosibirsk, 1973, Issue.2, pp. 55–69. (in Russian)

Maria V. Duzenli, Russian as Foreign Language, chair lecturer (Ural Federal University), Contemporary Russian Language, chair post graduate (Ural Federal University), Scientific Supervisor – Prof. Mukhin Mikhail Yurievich, PhD (Russian philology). E-mail: mashatolm@rambler.ru

Поступила в редакцию 29 октября 2013 г.